
Б. Х. КАРМЫШЕВА

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

Основные этапы этнической истории населения Узбекистана и Таджикистана обстоятельно рассмотрены в соответствующих разделах коллективного труда «Народы Средней Азии и Казахстана» из серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии Академии наук СССР¹. Обширные этнографические материалы о населении Узбекистана и Таджикистана, накопившиеся у ряда исследователей, особенно за последние 10—15 лет, дают возможность выявить особенности в истории формирования населения отдельных историко-культурных областей этих республик.

Предлагаемое сообщение содержит некоторые из собранных автором полевых этнографических материалов по истории формирования населения обширной области, включающей бассейны ряда правых притоков Пянджа — Аму-Дарьи: Обиниоу, Кзылсу, Вахша в его среднем и нижнем течении, Кафирнигана, Сурхан-дарьи и Ширабад-дарьи. Эту область, входящую ныне в состав Таджикской ССР и Узбекской ССР, можно рассматривать в историко-культурном плане как часть более широкой области, расположенной к югу от Гиссарского хребта и простирающейся вплоть до Гиндукуша (исторически — Тохаристана).

Большая часть территории изучаемой области занята горами, которые не только отгораживают ее от соседних областей (исключая южную границу), но и отделяют долину одной реки от другой. Своеобразие изучаемой области заключается в том, что она расположена на стыке двух культур: горно-таджикской оседлой земледельческой и степной кочевой скотоводческой. Горы (особенно в их верхней части) были заселены в основном таджиками, а долины рек, включая полого поднимающиеся подгорные равнины, а также предгорья были заняты преимущественно полукочевыми узбеками.

В XVIII—XIX вв. рассматриваемая область периодически входила в состав Бухарского ханства. Социально-экономические условия феодального Бухарского ханства обусловили незавершенность процессов национальной консолидации населяющих его народов к началу XX в., которая выражалась в чрезвычайной пестроте этнического состава населения ханства, в том числе и изучаемой области. Эта пестрота усугублялась еще тем, что повсеместно продолжало сохраняться деление каждой народности на родоплеменные и территориальные группы.

Основное население области составляли таджики (около 55%) и узбеки (около 42%). При этом в бассейне Сурхан-дарьи узбеки преоб-

¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962.

ладали (66%), а в районах, включенных в состав Таджикистана, они составляли меньшинство (33,1%)².

Помимо таджиков и узбеков, в рассматриваемой области проживали в незначительном числе туркмены, казахи, киргизы, каракалпаки, арабы, цыгане, индийцы, хазара, белуджи и мелкие группы, происхождение которых не вполне выяснено (чинаки, лярхоби, шоумари, суджони, утабулки, обсарина, каволи и др.)³.

Таджики изучаемой области подразделялись самым местным населением на две большие группы, несколько отличающиеся друг от друга особенностями говора, материальной и духовной культуры. Одна из этих групп называлась чагатай (около 20,6% всех таджиков области), а другую мы условно назовем кулоби (около 75%). Кроме того, имелись незначительные группы выходцев из соседних местностей (каратегини, ягноби, роги, хардур и др.)⁴.

Кулоби — исконное местное население. Это — типичные горные таджики, которых общность культуры объединяет с каратегинцами, дарвазцами и припамирскими таджиками⁵. Они населяли в основном горные и предгорные районы Куляба и южные склоны Гиссарского хребта (преимущественно на восток от Каратага), а также невысокие хребты, спускающиеся к Аму-Дарье: Каратау — вдоль правого берега Вахша и Горданиушти — вдоль левого берега Кафирнигана.

Говоры этой группы относятся, по классификации В. С. Расторгуевой, к южной группе таджикских говоров⁶.

Что касается термина кулоби («кулябцы»), то его значение варьировало в зависимости от того, какая группа населения и где его употребляла: для жителей собственно области Куляба, когда они находились за пределами своей области, а также для потомков давних выселенцев из Куляба, проживающих в сопредельных этой области странах, он служил самоназванием⁷; чагатаи под термином кулоби понимали, как показывают наши полевые записи, нечагатайское таджикское население изучаемой области; жители Средней Зеравшанской долины⁸ этим

² Все данные о численности относятся к 1924—1925 гг. См.: «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I — Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I — Бухара, Ташкент, 1926.

³ Об этническом составе населения южных районов Таджикистана и Узбекистана см.: «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 149—250; М. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 50—69; А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, «Изв. Отделения обществ. наук АН ТаджССР», Сталинабад, 1953, № 3, стр. 73—97; Б. Х. Кармышева. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», XXVIII, М., 1957, стр. 14—19; Л. В. Ошанин, Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. LXII, Сталинабад, 1957; его же, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. III, Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина, нов. сер., вып. XCVIII, исторические науки, кн. 18, Ереван, 1959, стр. 7—26; К. Наджимов, Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области, Труды Среднеазиатского гос. университета им. В. И. Ленина, нов. сер., вып. 143, биологические науки, кн. 35, Ташкент, 1958.

⁴ Гипотезу об этнической общности указанных групп таджиков см. Н. А. Кисляков, К вопросу об этногенезе таджиков, «Сов. этнография», VI—VII, М., 1947, стр. 314—319.

⁵ В. С. Расторгуева, Опыт классификации таджикских говоров, Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 303.

⁶ Р. Л. Неменова, Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956, стр. 10; ее же, Таджики Варзоба (отчет о поездке в 1961 г.), «Изв. Отделения обществ. наук АН ТаджССР», I (32), Душанбе, 1963, стр. 69.

⁷ По долине Кашка-дарьи записей по этой теме у автора не имеется.

термином обозначали нередко не только выходцев из Куляба, но и из Каратегина.

Чагатаи, как показывают наши этнографические материалы, по своему происхождению больше связаны с населением северо-западных областей; они, по-видимому, образовались в результате ассимиляции местным населением выходцев с бассейна Кашкадарьи и долины Зеравшана (областей, где значительная группа таджиков и узбеков также называлась чагатаями).

Расселение чагатаев подтверждает мысль об их происхождении из северо-западных областей. В бассейне Сурхандарьи они составляли значительную часть таджиков (39%); по мере продвижения на восток число их уменьшалось, и в долине Кызылсу, в Кулябе, они составляли всего 9% таджикского населения. Об этом говорят и некоторые лингвистические данные: говоры таджиков Байсунского района, где чагатаи составляли значительную часть, относятся к северной группе таджикских говоров⁸.

Вопрос о термине чагатай требует специального рассмотрения. Здесь отметим лишь, что со времени его возникновения и до начала XX в. он претерпел большие изменения. Эволюция этого термина до XV в. включительно прослежена А. Ю. Якубовским⁹. Первоначально он прилагался к четырем монгольским племенам — барлас, джалаир, каучин и орлат, которые составляли войско Чагатая. Немногим более столетия спустя, в 60—70 гг. XIV в., под чагатаями хотя и продолжали понимать указанные четыре племени, но представители их говорили уже только по-тюркски. В XV в. термин чагатай приобрел более широкое значение: чагатаями стали именовать все тюркское население Мавераннахра. Позже, в период борьбы тимуридов с шейбанидами, как справедливо считал Н. Г. Маллицкий, все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское стало именоваться чагатайским народом, в противоположность узбекам Шейбани-хана¹⁰. Автору представляется, что термин чагатай в этом значении употреблялся преимущественно узбеками Шейбани-хана¹¹, а само население Мавераннахра в этот период называло чагатаями тех из служилых людей в государстве тимуридов, которые не могли быть названы по племенному имени, ибо его не имели, да и тюрками не могли называться, так как далеко не всегда были тюрками по языку¹².

Каково бы ни было происхождение термина чагатай и каково бы ни было его значение в других местностях (в частности, в Пакистане и северо-западной Индии), в изучаемой области в 20-х годах XX в. это название являлось эквивалентом термина сарт, который здесь не бытовал¹³.

Часть таджиков бассейна Сурхандарьи, тождественная по своей

⁸ Х. Хамроқулов, Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун, Душанбе, 1961, стр. 152—156.

⁹ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 10.

¹⁰ Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. I, стр. 63.

¹¹ Гулбадан бегим, Хумаюннома, Тошкент, 1959, стр. 94, 119; Мухаммед Юсуф Мунши, Муким-ханская история (перевод с таджикского А. А. Семенова), Ташкент, 1956, стр. 99, 101, 262; Абдурахман-и Тали', История Абдул-Фейз-хана (перевод с таджикского А. А. Семенова), Ташкент, 1959, стр. 44, 46.

¹² Бабур отличал чагатаев от тюрков, в том числе и от барласов и джалаириров (Захириддин Мухаммад Бобир, Бобирнома, Тошкент, 1960, стр. 238, 276).

¹³ То же наблюдается и в северном Афганистане («Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 155). Полевые материалы об употреблении термина чагатай в бассейне Сурхандарьи см. Б. Х. Кармышев, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, стр. 17, 18.

культуре чагатаям, называла себя хисори, т. е. исконными жителями Гиссара (любезно сообщено нам И. Хидоятовым).

Как и чагатаи, выходцами из областей, расположенных к северо-западу от Гиссарского хребта, были таджики хардурй, происхождение которых пока неясно. Основная их масса проживала в юго-восточной части бассейна Кашкадарьи, а в изучаемой области они встречались лишь в верховьях Сурхана и Шарабад-дарьи¹⁴.

Узбеки были представлены также несколькими группами различного происхождения. Оседлые узбеки, не имевшие родо-племенного деления, состояли в основном из тюркоязычной части чагатаев (2,6% всех узбеков области). Полукочевые узбеки состояли из группы «тюрк» (10,1% всех узбеков) — исторических потомков тех тюркских и монгольских племен и народностей, которые были более ранними, чем дешти-кипчацкие узбеки, пришельцами в Среднюю Азию¹⁵, и узбеков дешти-кипчацкого происхождения (до 75% всех узбеков), отчасти вобравших в себя представителей и некоторых более ранних тюрко-монгольских племен. Кроме этих двух групп, был ряд мелких (могал, баташ, меришкор и др.), происхождение большинства которых недостаточно ясно.

Тюрки были представлены как группами, с очень давних пор живущими здесь (например, карлуки и тюрки южного Таджикистана), так и относительно недавними выходцами с севера, преимущественно из района Уратюбе (например, группа *омади* барласов Гиссарской долины).

В составе узбеков дешти-кипчацкого происхождения были такие крупные племена, как дурмен, кунграт и локай, именно здесь находились их племенные территории (юрт) и осколки ряда других племен (роды марка и туркмен — из племени юз, кесамир и семиз — из племени найман, ряд родов племени катаган и др.).

Между отдельными этническими группами, каждой из которых был присущ более или менее определенный тип хозяйства, существовали тесные экономические связи, которые приводили к глубокому взаимовлиянию и сближению культур и в то же время позволяли каждой группе сохранять некоторые особенности культуры и быта.

Основными занятиями горных таджиков были хлебопашество, садоводство и виноградарство (там, где позволял климат), а также скотоводство со стойловым содержанием скота в зимний период. Подсобными занятиями их были некоторые виды домашних промыслов и отходничество.

Части долин и предгорий, освоенные под орошаемое земледелие, занимали чагатаи и хисори, составляя основное население ряда крупных селений и отчасти городов. В их хозяйстве наряду с хлебопашеством значительное место занимали рисосеяние, садоводство, виноградарство и хлопководство, а также получили развитие различные виды ремесла и домашних промыслов, в частности производство хлопчатобумажных тканей. Скотоводство играло подсобную роль.

Тюрки занимали преимущественно верхние части предгорий и горы; выше их жили горные таджики, а ниже — чагатаи и узбеки. Там, где тюркские кочевья располагались рядом с чагатайскими и таджикскими селениями, последние занимали долины горных рек, а тюрки —

¹⁴ О хардурй см. М. Эшниезов, Хардурй. Уч. зап. Таджикского гос. университета, XIV, Сталинабад, 1956, стр. 101—110; Б. Х. Кармышева, Указ. раб., стр. 18—19.

¹⁵ О тюрках см. Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1.

водоразделы, представляющие собой обычно безлесные холмы. Тюрки занимались отгонным овцеводством и отчасти коневодством с круглогодичным содержанием скота на подножном корму.

Маловодные горы Бабатага и Южнотаджикистанское низкогорье с прилегающими к ним широкими межгорными долинами, являющиеся прекрасными пастбищами, а также заросшие тугаями поймы больших рек в их среднем и нижнем течении были заняты многочисленными кочевыми узбекскими племенами.

Постепенно они освоили богарное, а в речных поймах и поливное земледелие, но отгонно-пастбищное скотоводство продолжало играть в их хозяйстве ведущую роль. Были развиты некоторые виды домашних промыслов. Узбекские мастера из тех племен, которые имели зимовки вблизи поймы рек, выделяли остовы решетчатых юрт (юрта была основным и обычно единственным видом жилища у полукочевых узбеков). Славилась мастера-ювелиры некоторых узбекских племен, в частности локайцев, которые, помимо серебряных украшений, выделяли богатую верховую сбрую. Женщины ткали ковры.

Описанное разнообразие в типах хозяйства издревле обусловило экономические связи внутри небольших районов. В центре такого естественно сложившегося района находилось селение с еженедельным базаром или небольшой город. На базар полукочевые узбеки и тюрки пригоняли скот, привозили изделия из шерсти, закупали же хлеб, фрукты, продукцию ремесленного производства, в первую очередь хлопчатобумажные ткани (куски ткани и овцы нередко выступали в роли всеобщего эквивалента). По мере развития земледелия у полукочевых узбеков (особенно с начала XX в.) хлеб стал поступать и из узбекских районов богарного земледелия. Продажей дров и угля занимались преимущественно горные таджики и так называемые тогчи (тогчи — горцы) — узбеки, которые относили себя к племени катаган, но происхождение которых автору еще не совсем ясно. Тогчи были известны среди местного населения и как литейщики. Продажей топлива и соли занималась и беднота из других этнических групп.

Обмен продуктами население широко осуществляло и помимо базара. Чабаны из тюрков и узбеков, когда находились с отарами овец на летних пастбищах, вблизи таджикских селений, обменивали там шерсть и сушеный сыр (курут) на сухие фрукты и грецкие орехи. Горные таджики привозили в узбекские и тюркские кочевья каменные плиты, которые служили для выпечки хлебных лепешек, гончарную и деревянную посуду¹⁶. По кишлакам и кочевьям разъезжали цыгане, обменивая предметы своего изготовления — деревянную посуду, ложки, сита, ювелирные украшения — на пшеницу, муку, овец и коз.

Экономические связи не ограничивались обменом или торговлей, а принимали различные опосредствованные формы. Например, тюрки давали земледельцам на период сельскохозяйственных работ волов, получая за это определенную долю урожая. Осенью после снятия урожая с полей скотоводы имели право выпасать стада на стерне¹⁷.

¹⁶ В южных районах Таджикистана, где у горных таджиков, как и в соседних областях, бытовало женское гончарство без применения гончарного круга, кувшины для воды охотно приобретались узбеками, при этом за каждый кувшин полагалось столько зерна, сколько он мог вместить, что наблюдалось и в северном Таджикистане (Н. Н. Ершов, *Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией*, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVIII, Сталинабад, 1960, стр. 27).

¹⁷ Интересные данные об экономических связях различных этнических групп Центрального Афганистана имеются в ряде работ датского этнографа Клауса Фердинанда, в частности в статье «Nomad expansion and commerce in Central Afghanistan», «Folk», 4, København, 1962, стр. 123—125.

Широко бытовал обычай так называемого торгового друга, когда скотовод имел в базарном селении или городе «приятеля» (ошна), у которого накануне базарного дня размещал пригнанный для продажи скот. Горожанин помогал степняку продать скот, выступая посредником, а также приобрести нужные продукты. За хлопоты скотовод обычно брал на выпас несколько голов скота своего «приятеля».

Этнографические материалы наглядно показывают, что кочевое и оседлое население жило мирно. Войны и набеги, от которых страдали как земледельцы, так и скотоводы, являлись преимущественно результатом междоусобных распри феодальной верхушки.

Основной этно-культурный процесс, который протекал на изучаемой обширной территории, был тот же, что и в ряде других областей Средней Азии, — взаимное культурное влияние, сближение и частичное слияние оседлого (преимущественно ираноязычного) и кочевого (преимущественно тюркоязычного) населения. Этот процесс охватывал все стороны быта — хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру.

Наиболее сложным и длительным, постоянно и повсеместно протекавшим процессом было оседание кочевников и утрата ими родоплеменных традиций. Оседание было тем важнейшим процессом, при котором и происходило усвоение культуры соседей.

Там, где полукочевые узбеки и турки жили компактной и многочисленной группой, процесс оседания и изживания родоплеменных традиций, естественно, протекал очень медленно. Такие узбекские племена, как локай, кунграт и дурмен, вплоть до 20-х годов XX в. сохраняли, несмотря на значительное распространение у них земледелия, полукочевой образ жизни и родоплеменное деление, которое играло существенную роль в их быту. В тех случаях, когда представители этих племен оказывались среди оседлого населения в небольшом числе, они со временем переставали отличаться от последних.

Особой сложностью отличалось население районов орошаемого земледелия. Знакомство с названиями кварталов крупных чагатайских селений, расположенных в широкой долине, ограниченной на западе Кугитангскими горами, а на востоке — Байсунскими, показало, что в каждом из этих селений имеются потомки полукочевых узбеков, турков, туркмен, арабов и др., давно утратившие связь со своими сородичами и считающие себя чагатаями. Например, среди названий кварталов таджикского селения Зарабак имеются такие, как Кенагас, Кутчи и Хазора. Эти названия говорят не только о том, что предками их носителей были представители узбекских племен — кенегес и кутчи, а также хазара, но и о том, что часть жителей этого селения были выходцами из бассейна Кашкадарьи и Зеравшана и левобережья Аму-Дарьи. Подтверждается это и местными преданиями.

Этнографические материалы по Узбекистану и Таджикистану убедительно доказывают, что хотя основной массив населения той или иной области и оставался устойчивым, но переселения части населения из одной области в другую, а также перемещения внутри отдельных районов и областей происходили постоянно, усиливаясь в годы стихийных бедствий или политических потрясений и затухая в относительно спокойные времена. Последнее крупное передвижение населения происходило в первой половине XVIII в., в период наибольшего ослабления ханской власти в Бухаре, бесконечных кровопролитных междоусобных феодальных войн и глубокого экономического упадка.

Взаимное культурное влияние и сближение кочевого и оседлого

населения происходило не только в результате оседания кочевников и совместного их поселения с оседлыми жителями, но и в тех случаях, когда первые продолжали сохранять полукочевое скотоводство, а вторые — оседлое земледелие. Яркий пример этому — тюрки и горные таджики. Этнографические материалы подтверждают мнение историков о том, что благодаря близкому соседству в течение многих веков с горными таджиками значительная часть тюрков растворилась в таджикской среде. Однако часть тюрков вплоть до 1920-х гг. сохраняла полукочевой образ жизни, занимаясь отгонно-пастбищным скотоводством. Эта группа тюрков, в своем большинстве двуязычная, по обычаям, обрядам и верованиям была значительно ближе к горным таджикам, чем к оседлым узбекам, не говоря уже о полукочевых узбекских племенах.

Влияние культуры кочевников на оседлое население в некоторых районах было достаточно ощутимым. В бассейне Сурхана и Ширабада, где юрта была широко распространена в качестве летнего жилища у оседлого узбекского и таджикского населения, в некоторых местностях таджикские женщины сами ткали узорные шерстяные полосы и даже ворсовые изделия для юрты, воспроизводя узбекский орнамент. Способ хранения коровьего масла в нерастопленном виде в сосуде из бараньего желудка и многое другое проникло в таджикский быт от кочевников.

Выше говорилось о двуязычии тюрков. Однако это было более характерно для таджиков. Таджики-чагатаи в большинстве своем были двуязычны, а у горных таджиков узбекским языком владели, как правило, только мужчины, занимавшиеся отхожим промыслом. Узбеки-чагатаи, а тем более полукочевые узбеки, далеко не везде владели таджикским языком.

В феодальный период описанные выше этнические процессы протекали очень медленно. Отсталость, застойность экономики, натуральное и полунатуральное хозяйство не позволяли экономическим связям внутри мелких районов перерасти в широкие межобластные связи. Не произошло и специализации отдельных районов и областей, ведущей к развитым товарно-денежным отношениям, к развитию капиталистической экономики. Бесконечные феодальные войны нередко приводили хозяйство к полному упадку. Административное деление и взимание налогов, основанные в районах полукочевого скотоводства на племенном принципе, способствовали замкнутости отдельных племен. Родо-племенная верхушка всячески поддерживала в быту пережитки родо-племенных традиций.

Присоединение Средней Азии к России оказало положительное влияние на развитие ее экономики, что несколько активизировало и этнические процессы даже в этих отдаленных районах. Прекращение феодальных войн способствовало восстановлению сельского хозяйства и ремесла. Безопасность караванных путей, рост городов в Туркестанском крае привели к расширению торговли. Но развитие товарно-денежных отношений углубило классовое расслоение, привело к захвату общинных пастбищ богатыми скотоводами, все теснее связывавшими свое хозяйство с рынком, к разорению мелких скотоводов и переходу их к земледелию и оседлому образу жизни. Со временем и богачи стали расширять свои посевы и поставлять на местные рынки богарную пшеницу.

Оседание кочевников и полукочевников вело к стиранию различий между отдельными группами узбеков. Однако процесс консолидации таджикской и узбекской наций, который в Туркестанском крае уско-

рился (хотя и не завершился), в Восточной Бухаре, далекой окраине и колонии Бухарского ханства, только начинался.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление Советской власти и строительство социализма коренным образом изменили социально-экономические условия в изучаемой области.

В результате большой подготовительной работы в 1924 г. было осуществлено национально-государственное размежевание республик Средней Азии. Было проведено также административное районирование Средней Азии; материалы для этого районирования и научного обоснования границ новых республик были подготовлены специальной комиссией, которая провела тщательное по тому времени изучение этнического и племенного состава населения бывших Бухарского и Хивинского ханств.

Все дальнейшее развитие многочисленных народностей и этнографических групп Средней Азии убедительно показало, как эти мероприятия были своевременны и на каком высоком научном уровне они были проведены. За 40 лет существования Узбекской и Таджикской Советских Социалистических Республик сложились высокоразвитые узбекская и таджикская социалистические нации. В процессе формирования этих крупных наций с ними постепенно сближались и сливались мелкие народности и этнографические группы. Этот естественный и прогрессивный процесс продолжается и в наши дни.

SUMMARY

Presented in the article are some of the ethnological materials, collected by the author in the field, on the history of the population formation in the extensive territory comprising the basins of the right-side tributaries of the Amu Darya, from the Obinou in the east to Shirabad Darya in the west. The ethnic composition of the population of this territory before the October Revolution presented a motley picture: apart from the main population, the Tajiks and the Uzbeks, it included small numbers of Turkmenians, Kazakhs, Kirghiz, Kara-Kalpaks, Arabs, Gipsies, Indians, Khazars, Baluchis and isolated groups of people whose origin is unclear. All these population groups preserved the division into tribal and neighbouring communities.

During the 40 years of the existence of the Uzbek and Tajik Soviet Socialist Republics two highly developed nations, the Uzbeks and the Tajiks, have been formed. In the process of the emergence of these big nations, the smaller peoples and ethnographic groups gradually came closer to them and amalgamated with them. This natural and progressive process continues in our day.